Театр

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Победы и беды легендарной сцены

"Принцесса Турандот". Принц Калаф – Ю. Завадский
Рисунок И. Ивановского

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Вахтангов был учеником Немировича-Данченко. Именно Немирович-Данченко научил его понимать театральность, которую Вахтангов искал в строгой четкости и завершенности острых мизансцен. "Гадибук", "Чудо святого Антония" и "Принцесса Турандот" дали подлинный выход великому дару Вахтангова. Разгадка "Принцессы Турандот" была, по словам замечательного критика Павла Маркова, не в принципе иронии, не в формальной новизне и не в современных остротах, разгадка была в обаянии. Парадоксальное смешение бытового и условного, театрального и жизненного являлось преобладающим в спектаклях вахтанговского театра. Этим славились "Лев Гурыч Синичкин", "Зойкина квартира" Булгакова, поставленная в двадцатые годы Алексеем Дмитриевичем Поповым с Мансуровым, Рубеном Симоновым, Щукиным и Толчановым. Этим славились "Интервенция", "Соломенная шляпка", "Мадемуазель Нитуш", "Шестой этаж". Спектакли, поставленные в разные годы разными режиссерами, основывались на принципе "Принцессы Турандот". Словно возник единый закон для целого направления. Ирония и насмешка и рядом оптимизм и вера в силу и энергию жизни. Это уже спустя десятилетия режиссеры начали заимствовать только внешнюю сторону знаменитого вахтанговского направления. Спектакли оставались ироничными, утратив глубокое мировоззрение, и появлялась пустота. Меньше повезло в этом повинны актеры.

В 1989 году вахтанговцы снова поставили "Зойкину квартиру". Зою Пельц, которую когда-то прославила Мансурова, теперь играет Юлия Рутберг, острая, талантливая актриса, склонная природой к изящной, дерзкой парадоксальности. В роли Аметистова выступил Суханов, играющий с заразительным юмором. Но спектакль вышел длинный, избыточно красочный, словно секрет вахтанговского стиля был давно забыт. Что-то было явно утрачено. В театре поселился повседневностный нигилизм. Внешняя техническая ловкость подминает законченное мастерство.

Когда Фоменко поставил "Без вины виноватые", обнаружилось, что театр таит неограниченные возможности. Блеск игры и пронзительность романсовой стихии. Борисова, молчавшая почти десятилетие, игравшая небольшой старый репертуар и скромный "Стакан воды", снова с неожиданной силой сыграла Кручинину. Выдающаяся актриса творит на сцене чудеса. Роль построена на крайностях и контрастах. Душевный подъем и острота рисунка. Режиссер редкого дарования, долгие годы шедший к признанию и совершенству, создал новый, невиданный прежде стиль на стыке мировоззренческой мысли и почти эстрадного приема. Виртуозно играет Коринкину Максакова. Играет безжалостно и бесстыдно. В точном стиле спектакля, основанном на чувстве и строгом жесте. Яковлев и Шалевич, Вольнцев и Князев ломают все существующие представления о том, как надо играть Островского. Вместе с режиссером они создают новую атмосферу, рождая из заигранной пьесы образ поэзии и мечты.

И вот совсем недавно "Пиковая дама". Германна играет Князев. Еще со дня премьеры "Без вины виноватых" стало очевидным, что одни принимают его актерскую индивидуальность, другие категорически отвергают ее. Талант Князева вне сомнения. В нем – внутренняя углубленность. И Нечаев, и Германн сыграны им, словно артист таит внутри тайный смысл, отсюда тонкость сценического выражения. В его дарении скрыто что-то инфернальное, что помогло ему сыграть Германна остро и драматично. Хотя Фоменко строил спектакль на Максакову.

Максакова сегодня на авансцене театра. Она и всегда играла много, с первого дня, когда вышла в роли Маши в "Живом трупе", оказавшись рядом с Гриценко и Алексеевой, крупнейшими художниками театра. Помню ее Мамаеву в "На всякого мудреца довольно простоты", она играла ее мастерски, но рядом были Глумов–Яковлев, Мамаев–Гриценко, Крутицкий–Плотников. Лидерство было за ними. Но азарт и жажда быть на сцене побеждали и природные возможности, и обычные театральные ситуации. Максакова на глазах становилась художником. Она смело проходила сквозь неудачи. Ее Анна Каренина в режиссуре Романа Виктюка была сыграна эффектно, но не драматично. В спектакле, придуманном режиссером, более всего запоминалась Долли талантливой Кутченко, почему-то оказавшейся "золушкой" вахтанговского театра. Играет мало, редко, хотя ее драматический нерв обладает магическим воздействием. Максакова, наоборот, активна и действенна. То она выступает в роли "режиссера", помогая Виктюку в спектакле "Уроки мастера", то выходит в главной роли некоей Паолы в пьесе Рэттигана "Дама без камелий", играя ее выразительно, как и следует играть салонную мелодраму. Содружество с Виктюком сменилось содружеством с Фоменко. В ролях Коринкиной и Графини актриса по праву заняла лидирующее место в сегодняшней труппе. Обе роли сыграны виртуозно. Раскованность сценического поведения актрисы входит в контекст ее острого комедийного дарования. Разнообразие жанров всегда было отличительной чертой вахтанговского театра.

"Фальстаф Мартурано". Доротея Сорлино – Г. Сидикова, Фальстаф Мартурано – И. Мансурова

Юбилейный сезон открыли "Пиковой дамой". Сотникова и Козлов, Коновалова и Петерсон, Яковлев и Есипенко, Красков и Зозулин играют свои роли и ролька в едином художественном стиле. Несколько раз посмотрев "Пиковую даму", не утолил своего желания еще раз взглянуть, как с холодной насмешливостью и затаенной тоской Яковлев играет своего Чекалинского. Впрочем, теперь эту роль стал играть и Карельских, чье выразительное искусство всегда находит свежие ноты, полное искусством вдоль и поперек жанра центральных приемов, в любом спектакле, который ему приходилось играть. А приходилось ему играть меньше, чем можно было ожидать.

Когда-то, лет семнадцать тому назад, Евгений Симонов поставил "Лешего" Чехова. Еще играла "старая гвардия": Тимофеев, Львова, Андреева, Кацынский, Федоров, Граве. И тогда, впервые отметив для себя Маковецкого в маленькой роли Дядина, запомнил Хрущева–Карельских. Актер лишал своего героя какого бы то ни было романтизма. На сцене был умный, усталый человек. Пройдет несколько лет, и Карельских сыграет Левина в "Анне Карениной", выходя за узкие рамки инсценировки, в "Даме без камелий" – Сэма, делового человека со сложным внутренним миром. В Карельских есть редкое мужское обаяние и интеллектуализм, что позволяет ему почти всегда самостоятельно интерпретировать роли, при полном подчинении режиссерскому рисунку.

"Принцесса Турандот". Брагелла – М. Ульянов, Бартальо – И. Гриценко, Панталоне – Ю. Яковлев, Труффальдино – М. Греков

Вахтанговский театр на редкость богат актерскими индивидуальностями. В первом ряду – Сергей Маковецкий. Вот и Ульянов играл Сталина в "Уроках мастера", занятной однодневке Давида Паунелла, поставленной в 1990 году, и Яковлев выходил в роли Прокофьева, а высшим достижением спектакля был Маковецкий–Шостакович. Он единственный одновременно играл и трагизм Шостаковича, и условность, заложенную в пьесе. Может быть, потому, что лучше других улавливал требования Виктюка, с которым за последние годы сделал гораздо больше, чем на родной сцене. Хотя его Алексей Петрович в фоменковском спектакле "Государь ты наш, батюшка..." по пьесе Горенштейна "Детоубийца" был живым человеком. Спектакль, очень быстро сошедший, почему-то считавшийся неудачей, не пользовавшийся зрительской любовью, был одной из тех "неудач", что только повышают художественную ценность коллектива.

Оглядываясь назад, вспоминаешь разные периоды этого удивительного театра, открывшего свои двери 13 ноября 1921 года. Были триумфы, были провалы. Все было, как в любом театре. Но всегда были видны перспективы. Особенно в то время, когда театром руководил Рубен Симонов. Это был самый стабильный, самый противоречивый и самый блистательный период вахтанговского театра. Природная грация отличала этого человека. Даже сегодня, когда слушаешь по радио запись спектакля "Много шума из ничего" с Мансуровой и Симоновым, понимаешь, насколько сильны ирония и мастерство у этих незабываемых талантов. Страшно подумать, что прошло уже свыше тридцати пяти лет с того дня, когда Мансурова и Симонов играли "Филумену Мартурано". Актеры следовали вахтанговской традиции и вносили в эту довольно скромную пьесу эксцентрику и чарующее остроумие.

Симонов в годы войны поставил и "Фронт", и "Мадемуазель Нитуш", а до войны "Интервенцию" Славина, и эти работы на долгие годы стали как бы визитной карточкой Вахтанговского театра. Разве кто-нибудь может внятно объяснить, почему выпала из репертуара Галина Пашкова? Почему и сегодня никто всерьез не подумает о том, что эта талантливейшая "мадемуазель Нитуш" сидит дома и только изредка по радио можно услышать ее замечательные зонги Брехта, которые она записала вне театра? Таких актрис, как Галина Пашкова, на русской сцене мало. Да и в самом Вахтанговском театре в списке больших актрис Пашковой принадлежит по праву особое место. Но она не играет. Конечно, кто спорит, сегодня найти роль для Галины Пашковой нелегко, но это надо сделать, если руководство действительно, а не на словах думает о людях, чему я склонен верить. Не играет Кутченко, что есть беда прежде всего для самого театра. Очень мало играет Гунченко, чье дарование несомненно. Вне репертуара долгое время был Лановой, истинный мастер сцены... Драмы пустых сезонов у первоклассных актеров.

Судя по тому, как радуются любой возможности отдаться игровой стихии Рыщенков и Вележева, Воронцов и Галевский в спектакле "Али-Баба и сорок разбойников", придуманном Воронцовым и Шалевичем по волшебной сказке Шахразады, очевидно, что актерская незанятость стала постоянной болезнью театра. Не говоря уже о том, что такие талантливые молодые актеры, как Есипенко, Сотникова и Красков, способны поразить зрителя, может быть, это происходит оттого, что старый спектакль старого МХАТа не отпускает меня, – ведь вахтанговцы играют "Милого лжеца" мастерски, не показно и трогают зрительный зал.

Зачем-то поставили "Веселых парней", их сравнительно недавно играли в Театре на Малой Бронной. Нил Саймон – коммерческий драматург средней руки. Чтобы его ставить, нужен Рубен Симонов, умевший даже из Софронова извлекать бурлескные ноты. Рубен Симонов остался в истории театра навсегда. Его последний спектакль "Варшавская мелодия" по пьесе Зорина с Борисовой и Ульяновым был высочайшим достижением театра. Но Симонов ставил много и плохих пьес. Играли "Стряпуху" и "Стряпуху замужем". Публика ломилась. Старый умный человек, боявшийся советской власти, увенчанный всеми наградами, из откровенно дурного текста создавал легкие, притягательные зрелища. На сцене были Борисова, Гриценко, Лариса Пашкова, Ульянов, на сцене была радость.

Рубену Симонову было гораздо легче, чем Ульянову. У него был замечательный помощник, режиссер Александра Ремизова. Это Ремизова поставила "На золотом дне" и "Идиота", это Ремизова поставила "Насмешливое мое счастье" и "На всякого мудреца довольно простоты". Поколение Борисовой и Ульянова во многом обязано ей, умевшей создавать на сцене тонкую вязь психологического узора. Борисова в "Насмешливом моем счастье" в роли Лики Мизиновой так и останется живым человеком в сознании тех, кому удалось увидеть актрису в этой роли.

В спектаклях тех лет всегда проглядывали редкие индивидуальности. Понсова и Осенев, играя "Мадемуазель Нитуш", сверкали отблесками мопассановских новелл. Андреева и Казанская, Лариса Пашкова и Галина Пашкова в "Шестом этаже" вносили легкомыслие и мужество, мысль, что прожить жизнь надо всегда достойно. А когда Евгений Симонов поставил "Западню" Золя с Ларисой Пашковой и Этушем, то вахтанговская традиция вдруг обернулась неожиданной гранью, горькой и остродраматичной. Владимир Этуш, ректор знаменитого вахтанговского Училища имени Щукина, сегодня не играет "Западню". Теперь он выходит на сцену в "Будьте здоровы" и "Белом кролике", что вряд ли может удовлетворить актера, еще так недавно превосходно игравшего "Мещанин во дворянстве" и "Закат" Бабеля.

Давно уже ушла бесконечная молодость, которой начиналась жизнь прославленного коллектива. Он долго сохранял ее. Уход Евгения Симонова, драматичный и печальный, оставил горький след. Режиссер "Иркутской истории" и "Филумены Мартурано", он потом увлекся "поэтическим театром", ставил собственные пьесы, привлек в труппу огромное количество молодых, нужных и ненужных артистов, и никто не задумывался, что причина скольжения вниз не только в нем, а во Времени, в котором изменились идеалы среднего зрителя.

Внешнее правдоподобие, зачастившее на сцену, объяснялось прежде всего измельчанием жизни. Меньше стало крупных режиссерских дарований. С одной стороны, общественная апатия, с другой – резкая политизация сказались и на измельчании тех, кто сегодня служит театру. Вина была не только в репертуарной политике и ослаблении энергетики главного режиссера, потерявшегося и не знающего, что ему делать.

Ульянов во главе театра уже давно. Он пытается делать все возможное и невозможное, тратит все оставшиеся у него силы, иногда в ущерб своему огромному актерскому дарованию. Но проблемы обступают со всех сторон. Главные из них – репертуар и режиссура, способная к самостоятельности мысли. Ушел Виктюк, уехал Черняховский. Практически постоянно работают только Аркадий Кац, сверкавший в свой рижский период и недооцененный новыми коллегами, и Петр Фоменко, разрывающий себя между театральным институтом, своей мастерской и вахтанговской сценой. Но вечерами, когда закрывается занавес и зрители расходятся после спектакля, радостные и возбужденные, думаешь о том, что вахтанговцы не утрачивают вкус к игре. Зрителя всегда манит художественная одухотворенность, даже сегодня, в эпоху торжества практицизма и демонстративного разрыва с привычными ценностями. Внутри театра, отмечающего свой 75-летний юбилей, таятся немалые силы. И пусть поблек праздничный стиль ежедневной жизни, беспорно одно: в труппе есть и крупные дарования, и новые популярные имена.

А легенда? Легенда была в прошлом. Она осталась в самом имени – Вахтанговский театр, и в стиле игры, в том, что то, что умеют вахтанговские актеры – заражать зал праздничностью и откровенным лицедейством, – у них соперников почти нет. ●

"Варшавская мелодия". Елена – Ю. Борисова, Виктор – М. Ульянов